

его враги из лагеря реакции все-таки «черным по белому», писали о нем, как о коммунистическом писателе. И он не устает повторять: «я — бюргер..., я бюргерский индивидуалист..., я — этический индивидуалист»... и снова «мне, как бюргеру...».

Как видим, сам Т. Манн отнюдь не считал себя ни коммунистом, ни социалистом — ни в 20-е годы, ни в 50-е годы нашего века.

Однако, пройдя «школу Шопенгауэра» и преодолев «его пессимизм»¹⁰, Томас Манн сумел стать не только аналитиком бюргерского XIX в., но приучил себя — вопреки своей собственной сущности — не только интересоваться политикой, но и заниматься ею, не только понимать значение общественно-политической деятельности, но и отдавать ей много сил и времени на поприще «странствующего оратора демократии».

Несколько примеров подтвердят это. За полгода до Ноябрьской революции в Германии, прислушиваясь к сообщениям из России, Т. Манн задумывается: «Что же произойдет? Минует ли Западную Европу большевистская фаза? Не похоже, чтобы мы без нее обошлись»¹¹. Германию и всю Европу «не миновала» фаза революции. И рассуждая о коммунизме¹², Т. Манн видит в нем «много доброго и человеческого», надеясь, что коммунизм освободит человечество от государств и от политики вообще, и даже полагая (в сентябре 1920 г.), что и в Германии события будут развиваться в «русском» направлении. Однако истинное значение Великой Октябрьской революции осталось не до конца ясным писателю. Ему мешала понять ее верно не только шопенгауэровско-ницшеанская школа, но и, с другой стороны, любовь и преклонение перед Л. Толстым. Т. Манн был не очень оригинален в попытках изобразить русскую революцию как революцию азиатскую, восточную, толстовскую¹³. «Западно-марксистский чекан, озаривший ясным светом великий переворот в стране Толстого, — пишет Т. Манн в очерке «Гете и Толстой», — ...не мешает нам усмотреть в большевистском перевороте конец Петровской эпохи — в истории России, которая с этой революцией снова поворачивается лицом к Востоку. Отнюдь не европейско-прогрессивистская идея уничтожила царя Николая. В нем уничтожили Петра Великого, и его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а возвратный путь в Азию»¹⁴. Пророком «этого исторического поворота..., хотя в Москве и не отдают в этом отчета», был Лев Толстой. Работа «Гете и Толстой» была написана в 1922 г. В это время у революционно настроенной немецкой интеллигенции, особенно молодежи, Томас Манн вызывал резкую неприязнь или, в лучшем случае, — недоумение. Александр Абуш¹⁵ рассказывает, как он слушал в Нюрнберге в 1920 г. чтение Т. Манном его идиллии «Песнь о ребенке» и как трудно было ему поверить, что бывший властитель дум, автор «Будденброков» и «Тонио Крегера» может публично демонстрировать такое безразличие к бурной жизни страны и эпохи. Поневоле у недоброжелателей Т. Манна напрашивались параллели с поведением Гете в эпоху войн против Наполеона, параллели, от внутренней точности которых не отказался бы и Т. Манн. В злом замечании В. Мушга, что «самая любимая его маска — это Гете»,¹⁶ есть доля истины. В нападках на Т. Манна, пожелавшего до поры до времени остаться в стороне от политики, повторились инвективы Берне против Гете¹⁷. Однако многое, что уже тогда видел этот недавний «аполитичный», было понято им точно, и с долей пророческого предвидения. Т. Манн с горечью говорит «об антилиберальной реакции в Европе», которая «хватается за диктатуру и террор». Понимая абсолютную враждебность итальянского фашизма (это в 1922 г.!) большевизму и гуманизму, догадываясь, как губителен может быть для народов послевоенной Европы национализм¹⁸, Томас Манн уже в 1921—1923 гг. предупреждает и об опасности, которую таит в себе немецкий фашизм. Первые попытки Т. Манна публично высказать свои новые суждения в речи «О немецкой республике» (1923), были восприняты весьма недоверчиво прогрессивными силами Германии и вызвали резкую отповедь справа. Но несмотря на эту откровенную недоброжелательность и острую полемику, именно в 20-е годы начинает Т. Манн активную публицистическую и общественную деятельность, которая приводит его «в левый лагерь социальной философии». Его отношение к Октябрьской революции было отношением заинтересованного наблюдателя — не больше. И, однако, очень своеобразно выглядит отповедь Т. Манна белоэмигранту И. Шмелеву. Бюргер, сын Запада, почитатель Толстого, Томас Манн внутренне не соглашается со Шмелевым, который видел в революции только насилие и кровь: «...никогда человечество не скупилось оплачивать свои идеи кро-

¹⁰ Т. М а н н. Собр. соч. в 10 томах, т. 10, стр. 486.

¹¹ Th. M a n n. Briefe 1885—1936, стр. 169.

¹² Th. M a n n. Briefe 1889—1936, стр. 169.

¹³ Вспомним, что и И. Бехер, одним из первых немецких поэтов, приветствовавший Октябрьскую революцию, видел в ней «завещание Толстого».

¹⁴ Т. М а н н. Гете и Толстой. Собр. соч. в 10 томах, т. 10, стр. 598.

¹⁵ A. A b u s c h. Thomas Mann und das freie Deutschland. Sinn und Form. Sonderheft Thomas Mann, 1965, стр. 61.

¹⁶ Walter M u s c h g. Tragische Literaturgeschichte. Bern, 1957, стр. 426.

¹⁷ См., например, статью Франца Лешницера «Да из нет» (Sinn und Form, Sonderheft Thomas Mann, 1965, стр. 391—394), в которой автор с несколько неоправданной в наше время радостью вспоминает свое увлечение полемикой против Т. Манна, которую век в 1925 г. Курт Хиллер — новый «Берне».

¹⁸ Четыре года тому назад он сам был националистом, но эти четыре года были годами революционных сдвигов и свершений.